

ЛЮДВИГ
ФЕЙХТВАНГЕР

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ
ЗАМЕТКИ

ИВРИТ ЭМОС

ПОЭМЫ, ПЬЕСЫ, ТРАГЕДИИ
И ДРУГЕ ПРОЗАИЧЕСКИЕ

РАССКАЗЫ

Annotation

«... И вдруг распространился слух, будто профессор Б. сделал открытие, способное повлиять на жизнь всей планеты. Как возник этот слух, установить было трудно. Вероятно, профессор Б. сказал что-либо об аппарате, над которым работал, своему младшему сотруднику, может быть, только намекнул. Но и намек с его стороны, – и это признавали даже его недоброжелатели, – обычно стоил больше, нежели кичливые утверждения иных ученых мужей в академических вестниках или подобных им изданиях. Если верить слухам, профессор Б. создал аппарат, позволяющий наблюдать за деятельностью мозга у живого человека, и, таким образом, в известном смысле появлялась возможность измерять интеллект подопытного лица. Назывался же этот аппарат интеллектофотометром. ...»

- [Лион Фейхтвангер](#)
 -
 - [Примечания](#)
-

Лион Фейхтвангер

Рассказ о физиологе докторе Б.

Доктор физиологии Б. среди своих коллег пользовался большим авторитетом. Особенно ценились тщательность его исследований и объективность, заставлявшая его вновь и вновь проверять результаты эксперимента, прежде чем принять их, как бы соблазнительно это ни было. Любой другой с его способностями сделал бы карьеру, он же занимал весьма скромное место, руководил кафедрой в маленьком университете. Причиной этому был колючий характер доктора Б. Возможно, таким брюзгой стал он из-за своей странной наружности: маленькое туловище несло огромную бородатую голову. К своим коллегам он относился холодно, пожалуй, даже с антипатией. Говорил с ними обычно лишь на профессиональные темы, и если высказывался о чем-нибудь, то был суров в своих суждениях и категоричен в резких отзывах обо всем, что его окружало. Уже немолодым женился он на женщине из простонародья, кельнерше из ресторана, в котором обычно второпях съедал что-нибудь в перерыве между лекциями. Он не скрывал, что в обществе этой женщины чувствовал себя значительно лучше, чем среди уважаемых людей своего круга.

Так достиг он своего пятидесятилетия, перешагнув через него, не привлекая к себе ничего внимания, и казалось, что, незаметно прожив остаток своих дней, он так же незаметно сойдет в могилу. И вдруг распространился слух, будто профессор Б. сделал открытие, способное повлиять на жизнь всей планеты. Как возник этот слух, установить было трудно. Вероятно, профессор Б. сказал что-либо об аппарате, над которым работал, своему младшему сотруднику, может быть, только намекнул. Но и намек с его стороны, – и это признавали даже его недоброжелатели, – обычно стоил больше, нежели кичливые утверждения иных ученых мужей в академических вестниках или подобных им изданиях. Если верить слухам, профессор Б. создал аппарат, позволяющий наблюдать за деятельностью мозга у живого человека, и, таким образом, в известном смысле появлялась возможность измерять интеллект подопытного лица. Назывался же этот аппарат интеллектофотометром.

Открытие доктора Б. стали обсуждать сначала специальные медицинские газеты, за ними – все остальные. Многие видные политические деятели, промышленники и ученые не без тревоги читали об интеллектофотометре. Писатели же, художники, артисты относились к этим сообщениям безразлично, ибо мода того времени требовала от них, чтобы они обладали лишь неким таинственным туманным свойством, именуемым «творческое начало»: свойство это не поддавалось точному определению, но, уж во всяком случае, ничего общего не имело с интеллектом. Профессор Б. упорно молчал.

Возможно, как раз из-за этого молчания разговоры об интеллектофотометре становились все более громкими, споры вокруг него – более жаркими. Наконец они дошли до слуха диктатора страны.

Диктатор вызвал к себе физиолога Б. Тот считал диктатора по-своему одаренным, но невежественным малым, способности которого сильно пострадали вследствие длительного пребывания у власти: профессор разделял мнение немецкого философа, считавшего, что власть делает человека глупее. Маленький, подчеркнута будничным, бородатый, стоял он перед человеком, бронзовая, волевая маска которого стала для страны символом величия.

Диктатор привык в общении с людьми держаться чопорно и величественно. Но сейчас он сразу понял, что по отношению к этому угрюмому карлику такой тон был бы неверен; поэтому он, чуткий к особенностям собеседников, попытался вести себя скромно, просто. Правда, ему это не очень удалось, однако карлик не без удовольствия отметил про себя его старания.

– Утверждают, – без обиняков начал диктатор, – что вы можете с помощью вашего аппарата точно определить и измерить интеллект человека. – Массивный, сидел он за громадным письменным столом, слова же легко слетали с его красиво очерченных губ. – Так ли это? – спросил он как бы между прочим.

Профессор Б., тоже как бы между прочим, ответил:

– Да, это так.

Диктатор, естественно, сначала был настроен скептически. Лежащее перед ним заключение экспертов, хотя и многословное, было уклончиво, оно ничего не подтверждало и ничего не отрицало. Возможно, как раз небрежный, неприветливый тон профессора Б. рассеял сомнения диктатора.

– Ваше открытие, – сказал он учтиво, – может иметь огромное значение для процветания государства и нации.

Профессор Б. промолчал, видимо, он счел это утверждение слишком банальным и не придал ему никакого значения. Диктатор почувствовал, что вести разговор с этим морским ежом не так-то легко. Проще, пожалуй, перейти прямо к делу.

– Сможете ли вы, – сухо спросил он, – в общепонятных формулах дать заключение об интеллекте людей, которых я направлю к вам на анализ?

– Смогу, – ответил профессор Б.

– Мне хотелось бы, – продолжил диктатор, – во избежание недоразумений сообщить вам, что я понимаю под интеллектом.

– Пожалуйста, – сказал профессор Б.

– Под интеллектом я понимаю, – начал диктатор, помолчал, подыскивая нужные слова, и внезапно стал похож на старательного школяра, – под интеллектом я понимаю способность классифицировать явления по признаку причина – следствие.

– Это вполне приемлемое определение, – похвалил профессор Б.

Диктатор был рад этой похвале. Они расстались довольные друг другом.

Но с этого времени всюду, куда бы профессор Б. ни шел, где бы он ни находился, вблизи него появлялись странные личности в котелках, которые ревностно старались остаться незаметными и которых тем не менее даже дети приветствовали словами: «Добрый день, господин тайный агент». Профессора Б. эти личности очень забавляли. Кроме его жены, только эти люди могли бы утверждать, что профессор Б. относился к ним с некоторой симпатией.

Вскоре в лаборатории профессора стали появляться господа, которые – в соответствии с желанием диктатора – должны были подвергнуться анализу. Сама процедура была короткой и безболезненной, но удовольствия она им, по-видимому, не доставляла. В течение двух недель диктатор послал в лабораторию профессора семерых. Профессор невозмутимо делал свою работу, писал формулы, составлял краткие, четкие объяснения к ним. Заключение шести анализов были составлены правильно, в седьмом заключении он умышленно все результаты исказил.

Месяц спустя диктатор вторично вызвал к себе профессора Б. На этот раз прием был официальным, пышным. Множество кинооператоров старательно снимали каждый шаг профессора, пока тот, маленький и угрюмый, поднимался по парадной лестнице замка, среди отдающих ему честь величественных гвардейцев диктатора. Затем диктатор и профессор провели некоторое время с глазу на глаз. Никто их не снимал.

Диктатор был радушен. Громко, лукаво, не без удовольствия он спросил:

– Зачем это вам понадобилось обмануть меня с анализом номер семь, профессор? – Довольный, он засмеялся, и профессор Б. засмеялся тоже.

Газеты широко оповестили об аудиенции. В них сообщалось, что диктатор лично весьма живо интересуется исследованиями профессора Б. Диктатор принял решение объявить государственной монополией деятельность великого ученого, поскольку она представляет большую ценность для государства.

Физиологу был предоставлен в столице комфортабельный дом и оборудована прекрасная лаборатория. Министерство просвещения в самых лестных выражениях сообщило: его деятельность настолько важна для государства, что, считаясь с этим, он, разумеется, не должен выезжать из столицы, не уведомив предварительно министра. Количество господ в котелках удвоилось.

Деятельность профессора Б. не была утомительной. Время от времени появлялись лица, интеллект которых по поручению диктатора ему следовало подвергнуть анализу. Как использовались эти анализы, ни профессору, ни кому другому известно не было. Когда диктатор посылал кого-либо к профессору, приближенные диктатора считали это своего рода злой шуткой, остроумной формой наказания. «Послать к профессору Б.» – стало в стране излюбленным выражением, им пользовались, когда хотели в шутку или всерьез кого-либо предостеречь.

Прошел год и еще год. Диктатор все более привыкал к власти и научился умело пользоваться ее атрибутами; на планете, кроме него, было всего два человека, которые могли бы сравниться с ним в этом. Он имел прекрасно организованную армию, превосходную полицию, все важнейшие административные и хозяйственные посты были

заняты его приверженцами, верность которых была испытана годами. И, оглядываясь на все сделанное им, он мог сказать себе, что сделал хорошо. Однако спал диктатор скверно, ибо не все сделано было так хорошо, как хотелось бы. Одним лишь его приверженцам жилось хорошо, не стране, а ведь когда он пришел к власти, то хотел, чтобы жилось хорошо всем.

Все чаще и чаще стал он навещать физиолога Б., был в общении с ним прост, доступен, и удавалось ему это без труда. В обществе профессора Б. он много смеялся. Никто из тех, кто знал диктатора лишь по его бронзовому профилю, не подозревал, как хорошо может смеяться этот человек. Профессор Б. смеялся вместе с ним. Возможно, смеялись также и господа в котелках, которые, вероятно, где-то подслушивали их беседы.

Однажды, к концу второго года, когда диктатор ужинал у профессора, тот после небольшого молчания спросил, как обычно, угрюмо и насмешливо:

– Скажите напрямик, чего вам, собственно, от меня нужно? Вот уж два года все ходите вокруг да около.

Диктатор нахмурился, стал бронзоветь на глазах ученого, но вовремя сдержался и остался простым и доступным.

На третий год, летним вечером, когда жена профессора была на дальнем курорте, диктатор сказал ему:

– Не сделаете ли вы анализ моего интеллекта?

Профессор побелел как полотно.

– Значит, дошло и до этого? – сказал он в ответ.

– А вам не хочется делать этот анализ? – осведомился диктатор.

– Нет, не хочется, – ответил профессор Б.

Диктатор посмотрел на него. Так сердечно, так просто он никогда не говорил с профессором.

– Вы же можете мошенничать, – сказал он, усмехаясь, ободряюще, доверительно.

– Я думаю, – возразил ученый и тоже усмехнулся, обнажив крупные желтые зубы, – я думаю, что мошенничать бесполезно. Вы меня легко поймаете.

И профессор Б. сделал анализ, которого так хотел диктатор. Это не потребовало много времени, да и диктатору процедура не показалась долгой. Но потом, вспоминая ее, он решил, что тянулась

она все же долго, ибо ему показалось, что за это время он успел побыть молодым, состариться, вновь стать молодым и опять состариться. Профессор, проводя измерения, говорил лишь самое необходимое. Свои формулы он писал на листке бумаги. Диктатор видел их много раз, эти формулы; он знал, что всего их двадцать три и записывает их ученый мелкими буквами и цифрами.

Профессор записал последнюю формулу и отдал листок диктатору. Диктатор сказал: «Благодарю вас», – взял листок, сложил его, не читая, попросил конверт, вложил в него листок, заклеил, пожал профессору руку, ушел.

После того как диктатор его покинул, профессор почувствовал себя опустошенным, ноги неприятно отяжелели и дрожали, однако спокойно сидеть он не мог. Стал ходить по лаборатории, поглаживая свою аппаратуру, прошел по всему дому, по саду. Обычно, когда к нему приходили люди, он не чаял, как поскорее от них избавиться. Сейчас же ему казалось, что дом слишком велик и сад тоже слишком велик и, в сущности, чертовски пуст. Он попытался было позвонить жене, ассистентам, но никого не удалось вызвать к телефону. Собственно, этого и следовало ожидать. Он был бы рад поговорить хотя бы с одним из тех господ в котелках, но, как назло, их сегодня не было видно.

Наконец он разыскал своего старого лабораторного служителя. Тот уже двадцать лет работал у профессора Б., и профессор знал о нем все: и состав его крови, и состояние почек и сердца. Но сегодня он впервые заинтересовался мыслями старика. Он спросил, что думает тот о Боге и потустороннем мире. Оказалось, лабораторный служитель много думает об этом.

– Я человек, созданный для веры, – сказал он о себе.

Профессору Б. понравились эти слова, он нашел их откровенными и разумными. Он сидел на террасе, ведущей вниз, в сад, беспокойство прошло. «Наверно, приятно было бы еще разок пройтись по улицам, – подумал он, – но ведь тотчас появятся эти котелки», – а сейчас ему не хотелось их видеть, и он остался на месте. Он думал о людях, которые в последнее время были возле него – о жене, об ассистентах, – и был доволен ими. Он был согласен с ними во всем. Даже с диктатором он был согласен. Человек поступает так, как вынуждают его обстоятельства. Вот только, пожалуй, лишним было

это желание диктатора утвердиться еще и с его, профессора, помощью.

В тот же вечер, прежде чем вернулась жена, прежде чем профессору удалось переговорить со своими ассистентами, он заболел. Утренние газеты сообщили о серьезной болезни, дневные – об очень серьезной, а к следующему утру, так и не увидев возвращения жены, профессор Б. скончался. Диктатор посетил больного и ежечасно справлялся о его состоянии.

Погребение великого ученого государство взяло на свой счет и провело эту церемонию с большой пышностью.

Две недели спустя страна праздновала десятую годовщину со дня захвата диктатором власти. Это был день великой славы, враги диктатора ненавидели его особенно крепкой и обоснованной ненавистью, поскольку у них не оставалось более никаких надежд добиться своей цели. А многие из них ненавидели его лишь за то, что теперь уже окончательно потеряли право стать его приверженцами, ибо он вынужден был прекратить доступ в ряды своих приверженцев: уж очень много их набралось, о бóльшем количестве он не в состоянии был бы заботиться.

Раньше диктатор любил такие высокаторжественные дни, они поддерживали его, утверждали его веру в себя. Теперь же он испытывал лишь легкое нетерпение, торжества стали для него только политическим средством, они ничего не говорили его душе. Самыми приятными для него были недолгие минуты досуга после обеда, когда он мог распорядиться собой. Часть этого времени он занимался гимнастикой со своим тренером, затем, после массажа, лежал один в маленькой прохладной комнате, в которой стояли лишь кушетка, письменный стол да кресло и порог которой никто не смел переступить, за исключением секретаря.

Он лежал на кушетке, утомленный, в приятной истоме, расслабившись – живой человек, не бронза. До него приглушенно доносились команды офицеров, выстраивавших свои подразделения на большой площади для принесения присяги.

Через двадцать две минуты он будет стоять на балконе и произнесет речь, он не знает точно, о чем именно, но знает, что скажет правильно, и весь мир у громкоговорителей будет слушать его затаив дыхание.

Он встал. В купальном халате подошел к столу. Здесь в ящике, закрытом на ключ, лежали сувениры, маленькие пустячки, лишь для него одного имеющие значение. Несколько писем, смятая пулей пуговица мундира, старая фотография. Он любил эти реликвии, с удовольствием перебирал их, чувствовал себя сильнее, когда физически ощущал связь со своим прошлым.

Он достал ключ, открыл ящик стола, вынул лежащий в нем ключ, открыл второй ящик и затем из последнего выдвижного ящика взял запечатанный конверт, вот уж четырнадцать дней лежавший здесь. Он хорошо знал, что в нем; вероятно, лишь из-за этого конверта он и подошел к столу.

Несколько минут он держал в руке конверт с формулами покойного профессора. Затем взял ножницы. Интересно узнать, что было в конверте. Польза и мудрость – на этот счет существуют кое-какие теории. Покойный профессор Б. знал кое-что об этом, он сам намекал диктатору. Наверное, профессора, который нынче мертв, можно было бы заставить рассказать об этом побольше. Диктатор был неглупый человек, и профессор не считал его бездарным. Историческая необходимость наложила на него, диктатора, бремя власти, а власть оглушает. Не будь он человеком власти, возможно, он стал бы великим человеком.

Снизу доносился шум толпы. Ему следует одеться, через четырнадцать минут нужно выступить с речью. Конечно, его речь станет только хуже, если он будет знать результат анализа. Диктатор отложил ножницы, не вскрыв конверта. Разорвал конверт и его содержимое на мелкие куски.

Прошел через большой зал приемов на балкон. Произнес речь.

Примечания

(«Geschichte des Gehirnphysiologen Dr. Bl.»)

© Перевод. Л. Миримов, 2003

По свидетельству автора («Centum opuscula», 1956 – сборник произведений Фейхтвангера), рассказ написан в конце 20-х гг., опубликован сначала в газете «Берлинер Тагеблатт», затем включен в сборник рассказов «Марианна в Индии» (Париж, 1934).

Диктатор – образ обобщенный, имеет внешние черты Муссолини (1883 – 1945).